Я почувствовала приближение всадников всего за несколько мгновений до того, как услышал стук копыт их скакунов, и остановился в месте, где деревья росли особенно густо и близко к дороге. Близость деревьев и их изобилие жизни очень тяготили меня, но в таком положении я не был бы с фланга, если бы столкновение оказалось враждебным. Вскоре я смог разделить мысли трех мужчин, которые показали, что они искали женщину-воина, которую я видел убитой ранее днем. Они желали ей смерти, но опасались ее боевых навыков.

Каждый человек ведет внутренний монолог в своих мыслях, но интеллигентные люди «говорят» сами с собой больше, чем люди с меньшим интеллектом. Глупым людям — а эти люди, по-видимому, были весьма глупы — не о чем думать, и это затрудняет их телепатическое отслеживание.

Когда они оказались в пределах видимости, один из них быстро насадил стрелу на лук, но затем медленно опустил ее так, чтобы она указывала на землю, поняв, что я не та женщина, которую они искали, и в его глазах и мыслях не представляла никакой угрозы. Я никогда не видел такого древнего оружия, если не считать исторических записей и настенных росписей заброшенных городов. Неужели эти люди действительно не знали огнестрельного оружия?

Их очевидный лидер, в высшей степени уродливый человек, одетый в желтую ткань поверх доспехов из стальных пластин, проехал несколько шагов вперед и обратился ко мне. Его слова спрашивали мое имя и род занятий, но его мысли были сосредоточены на моей груди и образах насильственного спаривания. Он был отвратительным калотом — мерзким существом моей планеты — и я подумывал убить его на месте.

Я назвал ему свое имя и сказал, что хочу видеть его лидера. Не помня большую часть английского языка Джона Картера и нуждаясь в извлечении слов из его мыслей, я говорил медленно и сбивчиво, что его раздражало. После третьей попытки его мысли указывали на то, что он понял мои слова, хотя они остались плохо произнесенными. Хотя язык был похож на английский, он был не совсем таким же, и некоторые английские слова, которые я использовал, не имели для него значения.

На Барсуме мы общаемся многими основными частями речи — например, местоимениями и временами — с помощью телепатии. Озвучивание правильных слов, даже в очень грубой форме, требовало большой концентрации. Я увидел еще одну статью для Королевской академии, но снова быстро отбросил эту мысль.

Воин снова принялся за мое дело, медленно двигая коня вперед, и продолжал вещать грязные мысли. Подобные идеи также исходили от его друга-лучника и третьего человека, пожилого воина с лысой головой и отвратительной зеленой бородой. Интенсивность их недисциплинированных мыслей грозила сокрушить меня, но я узнавал от них больше слов и использовал имя Джона Картера для своей планеты.

«Я с Марса. Отведи меня к своему лидеру.

— Почему ты думаешь, что я здесь не лидер? — спросил тот, что в желтом, добавив, как я понял, ряд эпитетов, предназначенных для неразумных женщин.

Я знал от Джона Картера, что его люди не могут читать мысли, и я подозревал то же самое о людях этой планеты, если бы не Джасум. Человек в белых доспехах даже не смог определить, реален ли я, в то время как его противник проигнорировал мощные мысленные импульсы, которые я послал в своей тщетной попытке отговорить ее от самоубийства от его рук.

Если бы кто-нибудь из них знал что-нибудь о телепатии, даже о ее существовании, они бы не

транслировали так беспечно свои мысли и эмоции. Я решил не раскрывать свои способности, хотя и думал, что все трое окажутся слишком глупыми, чтобы понять телепатию. Какими бы неприятными они мне ни казались, чтение их облегчало составление предложений на их грубом языке.

«Лидер использует вежливое обращение с незнакомцем».

«Разве ты не та благородная сучка, говорящая на фантазиях?» Мне удалось его разозлить. Это не входило в мои намерения, но мне было трудно заботиться об этом. Образы насильственного спаривания становились все ярче, когда он повернулся, чтобы обратиться к своим товарищам.

«Давай просто изнасилуем эту дорнийскую суку в подгузниках, перережем ей глотку и уйдем».

Я быстро выхватил свой новый меч и приставил его к его шее, прежде чем он успел повернуться ко мне.

— Возможно, вы захотите передумать.

Лучник начал поднимать лук. Я посмотрел на него.

— Вы сейчас же бросите это оружие, или я вас всех убью.

Он колебался. Зеленобородый закричал и поскакал вперед.

— Это причудливый меч большой уродливой суки. И ее лошадь тоже.

Он узнал клинок женщины-воина. Он думал убить меня и насильно спариться с моим трупом. Он потянулся за своим мечом. Человек в желтом от страха помочился, но не двинулся с места, разве что приподнял лошадь. Лучник поднял свой лук, когда я попросил свою лошадь держать желтого человека между нами и лучником. Когда мой меч выпил жизнь желтого человека, стрела попала ему в ребра. Я повернул лезвие вправо, чтобы полоснуть живот приближающегося зеленобородого мужчины. Чудесное лезвие пронзило его броню из стальных колец, словно ткань.

Я спрыгнул с лошади и отскочил от земли к лучнику, когда еще одна стрела пролетела через пространство, которое я только что занял. Я добрался до него прежде, чем он успел снова поднять свой лук со свеженарезанной стрелой. Он был очень быстрым, но недостаточно быстрым. Я разрубил оружие пополам и приставил острие меча к его горлу. Позади меня тела двух мужчин соскользнули с лошадей на землю.

Я схватил горсть свободной одежды лучника и сдернул его с собственного коня. Он растянулся передо мной, его глаза были очень широко раскрыты. Он выглядел намного моложе двух других, и у него были шрамы на лице, которые, казалось, были вызваны состоянием кожи или, возможно, болезнью.

— Сейчас ты отведешь меня к своему лидеру. Или ты тоже умрешь».

Его мысли все еще задерживались на моей груди.

«Эти сиськи, — я вырвал это слово у него из головы, — будут твоим последним взглядом, если ты не будешь делать в точности то, что я говорю».

"Да. Пожалуйста, не убивай меня. Кто ты? Что ты?"

— Ты будешь молчать. Он повиновался. Моток веревки был привязан к его седлу, и я использовал ее, чтобы надежно привязать его, а затем подумал о другом. Я потянул за его леггинсы.

«Уберите это».

"Какая?"

«Сними одежду с ног».

"Ты . . . ты хочешь меня?"

Он надеялся, что я хочу спариться с ним. Я подумывал проткнуть его, пока он лежал на земле, но воздержался, чтобы он не запачкал поножи своими выделениями, умирая. Вместо этого я снова потянула его за штаны.

«Я хочу твою одежду. Ты отдашь это мне или умрешь, и я все равно заберу их».

"Да моя леди."

Он потянул за узел, удерживающий веревку вокруг его талии; его леггинсы ослабли, когда узел развязался. Я стянул их с его ног. Я почувствовал смущение из-за обнажения его полового органа и в гневе стал насмехаться над ним.

«Ты надеялся засунуть в меня этот крошечный член?» Я снова взял слово из его разума. По форме он напоминал Джона Картера, но был значительно меньше. И, как я понял, когда я больше знал их язык, обозначаемый чрезвычайно глупым словом.

«Я . . . Мне жаль."

Сняв с него краги, я поднял его за переднюю часть гимнастерки и легко бросил обратно на коня; он был очень худым. Я телепатически попросил его лошадь оставаться на месте, пока я не буду готов уйти; зверь казался готовым, и я мог обнаружить глубокую ненависть к его всаднику. Лучник захныкал, но ничего не сказал. Я снял с убитой нижнее белье, натянул лосины и завязал шнурок; они были тугими вокруг моих чресл и колючими на коже, и ужасно непривлекательными. Тем не менее, они защитят мои ноги лучше, чем мое предыдущее решение. Если это вызвало у лучника нежелательное раздражение, то, возможно, ему не стоило пытаться стрелять в меня своими стрелами.

Я вернулся туда, где умирали его товарищи, и их последние мысли были такими же неприятными, как и при жизни. Желтый человек думал о грубом спаривании с бледнокожей рыжеволосой женщиной; зеленый человек быстро представил себе ряд грязных дел - убийства, насильственные спаривания, поджоги небольших домов, грабежи бедных людей - которые он совершил в своей жизни. Я хотел расспросить их, но почувствовал, что мне становится физически плохо от контакта с их больным разумом.

Вместо этого я осмотрел доспехи желтого человека и нашел застежки, удерживающие их на месте. Он был сделан еще более грубо, чем у женщины-воина. Под ним было грязно; местами его нижнее белье, казалось, действительно гнило. Когда он умер, он опорожнился, добавив еще больше запахов к своему и без того неприятному запаху. Я заметил, что эти люди выбрасывают гораздо больше и гораздо более влажные отходы, чем народы Барсума. Еще одна статья для Королевской академии.

Решив узнать больше, я одним ударом меча вспорол ему грудь до талии. Я раздвинул его брюшную полость руками, затем вытер их о его желтый плащ. У него были ребра, как у Джона Картера или у меня, но его сердце и легкие были меньше, чем у краснокожего барсумца, а сердце располагалось скорее по центру, чем со смещением. Это объясняло, почему удар меча Джейме оказался смертельным для женщины-воина; Я все еще не знал ее имени. У него был только один желудок. Его репродуктивный орган был не таким крошечным, как у лучника, но все же намного меньше, чем у Джона Картера. Я предположил, что если он и не был одним из людей Джона Картера, то он был его близким родственником, но уж точно не из Барсума.

Зеленобородый еще не умер и от воспоминаний о своих поступках переключился на возобновившееся желание причинить мне вред. Его меч упал обратно в ножны, и он изо всех сил пытался вытащить лезвие, но сил уже не оставалось. Я подошел к тому месту, где он лежал, и, несмотря на его покрытие из металлических колец, я легко вонзил свой меч ему в сердце, теперь, когда я знал его местоположение. Его мерзкие мысли отступили. Я решил оставить тела для каких-нибудь падальщиков, которые могли быть достаточно отчаянными, чтобы полакомиться их гнилыми останками.

Я попросил их лошадей оставаться на месте, пока я просматриваю их седельные сумки. У них было больше круглых буханок хлеба и кожаных мешков с водой; у зеленобородого тоже был мешок с каким-то красноватым слабоалкогольным напитком. Я съел найденные хлебы и вяленое мясо и выпил спиртное. У желтого человека было невероятно грязное нижнее белье, которое я использовал, чтобы почистить свой новый меч, прежде чем бросить его на его труп.

У зеленобородого было несколько свитков, сделанных из чего-то вроде кожи животного, с написанными на них знаками. Они не имели для меня никакого смысла и не напоминали письма Джасума, которые показал мне Джон Картер. Эти я тоже отбросил. У него был плоский серый камень, завернутый в мягкую ткань, и маленькая фляжка с маслом. Я узнал в них набор для заточки его меча и сохранил их, хотя мой новый клинок, похоже, не нуждался в заточке. У него также была дюжина круглых красных фруктов; Я дал по одной каждой лошади, а остальные съел сам, пока перебирал их пожитки.

У каждого мужчины также был небольшой мешочек на шнурке, спрятанный внутри одежды, с монетами внутри; Я высыпала содержимое в один пакет и сохранила его. Они были круглыми, а не овальными, которые мы используем на Барсуме, но их назначение было ясным. У желтого человека был шлем, выкованный в форме рычащего животного. Если это был самый свирепый зверь, которого Джасум мог предложить, я не был впечатлен. Я бросил шлем в дерево, чтобы проверить его металл, и он легко смялся. Я оставил его там, где он лежал, но забрал мечи обоих мертвецов.

Лучник, все еще напуганный, смотрел, как я приближаюсь.

— Ты убьешь меня сейчас?

"Возможно. Я буду задавать вам вопросы. Ты ответишь».

— Да, — сказал он, а затем добавил: — миледи.

— Это Вирджиния?

— Что такое Вирджиния?

«Это земля Вирджиния?»

«Никогда не слышал ни о какой Вирджинии. Это Речные Земли.

Либо этот человек был совсем глуп, что казалось возможным, либо это были люди с малым воображением.

— Значит, здесь поблизости есть река?

"Да моя леди."

На этой планете столько воды, что она текла по поверхности.

«Кто правит этими землями?»

«На самом деле никто не знает. Страна находится в состоянии войны, и все смешалось».

Я, конечно, передаю его слова так, как я их понял, с большой телепатической помощью. У лучника не было образования, и он говорил, как мне кажется, на очень грубом крестьянском наречии.

— Значит, в стране война?

«Великая война закончилась, но боевые действия продолжаются. Многие мужчины отделились от своих армий и теперь бродят по земле, убивая, грабя и насилуя».

«Включая вас самих».

"Нет. Мы защищаем слабых. Мы братство».

"Действительно? Твой друг говорил об изнасиловании, — их слово означало насильственное совокупление, — и убийстве меня, и оскорблял мою одежду.

«Мы ищем мести», — он назвал два имени, по-видимому, могущественных семей в этой стране. «Мои товарищи были суровыми людьми».

— А теперь они мертвецы.

— А теперь они мертвецы, — согласился он. — Я присоединюсь к ним?

«Мне все равно, живы вы или мертвы. Если ты будешь мне полезен, я оставлю тебя в живых».

Пока он говорил, он, казалось, оправился от шока и становился все более злым. Он представил, как стреляет в меня стрелами, пока я кричу от боли, он представлял, как насилует меня, пока я плачу и умоляю о большем, и он думал о том, чтобы ударить меня во время акта ножом, который я забыла взять у него. Глупая и почти смертельная оплошность.

Теперь я обыскал его и нашел небольшой мешочек с медными монетами, которые я добавил к тем, что взял у его друзей. Я также вынул нож из-под его одежды и изучил его. Я нашел его плохо сделанным, с деревянной ручкой, которая почти разваливалась. Меня поразило, что каждый предмет, который я исследовал с момента прибытия на эту планету, был сделан вручную. Я сломал лезвие ножа и бросил куски глубоко среди деревьев. Я также взял связку стрел из его богато украшенного колчана и сломал их пополам.

— Покажи мне свою руку.

"Почему?"

— Покажи мне свою правую руку.

Он осторожно протянул его; он оставался туго связанным на запястье слева от него. Я видел твердые мозоли на его первом и втором пальцах. Я постучал по ним.

— Ты этим натягиваешь тетиву?

Он не ответил, но его разум согласился. Я уперся его рукой в луку седла, вытащил длинный нож, взятый с трупа женщины, перевернул его и ударил головкой ножа по каждому пальцу. Он закричал, когда его кости сломались. Он не сможет натянуть лук, пока они не заживут.

«Если ты попытаешься причинить мне вред, ты больше никогда не выпустишь стрелу».

«Ты сумасшедшая сука! Ты сломал мне пальцы!

«Я еще не причинил тебе непоправимый вред. Отвечай на мои вопросы, или я отрежу тебе пальцы и, возможно, твой крошечный член».

Я поскользнулась и намекнула, что могу читать его мысли, но он этого не заметил. Теперь его мысли метались между болью, страхом и ненавистью. Я мог принять это.

— Вы знаете человека по имени Хайме?

"Кто?"

«Его звали Хайме. У него была металлическая рука. Он носил белые доспехи. Он убил женщину, у которой была эта лошадь и меч, до меня».

«Цареубийца. Значит, большая уродливая сука все-таки нашла его, и он убил ее. Хороший. Это была наша миссия».

Этот «король», который был убит, по-видимому, был их эквивалентом джеддака.

— Он убил вашего правителя?

«Да, давно. Теперь он известен как человек без чести.

"Я могу понять, что. Женщина была обезоружена. Почему он вообще ее убил?

"Я не знаю. Она была в нашем лагере, тяжело раненая, и выкрикивала его имя во сне, пока выздоравливала. Мы верили, что она любит его. Наш предводитель приказал ей убить его, иначе она убьет друзей женщины-воина.

Опять же, я могу только расшифровать его слова, как я их понял — я уверен, что на самом деле они были гораздо более низменными. И мое, как я хотел говорить их; Я также уверен, что мое владение языком было и остается несовершенным.

— Ваш лидер — женщина?

— Раньше была.

"Что это значит?"

«Она была замужем за правителем северных земель. Новый король убил его. Затем королевская семья убила ее сына и многих других во время свадебного пира. Ее тоже убили».

Видимо, это было известное преступление, оскорбившее даже этого преступника.

«Она была мертва, но теперь она жива?»

"Что-то такое. Она ищет мести. Мы помогаем ей найти его».

Рас Тавас, один из величайших ученых Барсума, хотя и несколько психически неуравновешенный, изобрел средства для оживления мертвых при условии, что их тела были сохранены. Может быть, эта техника была известна и здесь? Эти люди не казались очень продвинутыми в науке, но на Барсуме живут такие же невежественные и глупые жители, как и мой пленник.

— Я хочу встретиться с вашим лидером. Ты отведешь меня туда».

Вместо этого он предложил мне посетить место, населенное демонами.

— Ты без штанов, а у меня очень острый меч.

— Ты не лучше нас.

"Возможно. Но я не насиловал тебя».

Его извращенный разум снабжал его гораздо худшими угрозами, чем я мог себе представить, гораздо менее озвученными. Он боялся меня и в то же время стыдился того, что боялся женщины. Я считал себя человеком высокой морали, но, может быть, он был прав. Это место уже изменило меня.

— Еще раз расскажи мне о войне в стране.

«Ходят слухи о войне. На север и на юг. Непонятно, кто остается воевать. Многие великие дома разрушены».

«Мы узнаем».

Он подумал о том, чтобы схватиться за кожаные стропы, направляющие лошадей, и уехать. Я срезал их с головы его лошади, так как лошадь шла туда, куда я велел. Я снял сёдла и другое снаряжение с лошадей двух покойников и телепатически приказал животным идти, куда они хотят. Они решили следовать за мной. Я вскочил на свою лошадь и поехал по дороге, а за ней шли три другие лошади.

Я прибыл на эту планету в поисках Джона Картера, но знал, что не хочу его на самом деле найти. За два года после его исчезновения я не упустил ни его ярости, ни его умаления меня и моей культуры, ни его отказа открыть свои мысли, как цивилизованный человек. Он не занимался со мной настоящим сексом, но запретил мне заниматься любовью с кем-либо, кроме Тувии, и то только тогда, когда он наблюдал, доставляя себе удовольствие.

Что я собирался делать, когда нашел его? Подчинить его, сдержать и поднять руки к красной планете в ночном небе? Убедить его добровольно вернуться с логикой и аргументами? Соблазнить его и вернуть в мою постель?

Я не знал, но я мог бы также использовать его знания. Он многое рассказал мне о

Джасуме/Грязи, и мне хотелось, чтобы я уделял ему больше внимания и задавал больше вопросов, а не молча отклонял это. Я нашел его рассказы утомительными и самовозвеличивающими. Чтобы найти его, будь он даже на этой планете, мне нужно было бы узнать гораздо больше. Это была планета, раздираемая войной, и Джон Картер оставит здесь свой след не меньше, чем на Барсуме. Мне просто нужно было следовать рассказам о чудесах битвы: где война, там будет Джон Картер. Но останется ли он тем Джоном Картером, которого я знала?

Мы ехали по дороге некоторое время, пока мысли лучника не указали, что мы подошли к наблюдательному посту. Я не мог обнаружить никого там, где, по его мнению, должен был наблюдать охранник, но я направил свою лошадь на узкую тропу, которую мой пленник помнил как путь к лагерю его братства.

По мере того, как мы углублялись в лес, он волновался все больше и больше, надеясь, что его друзья устроят мне засаду, но я все же не заметил, чтобы кто-то следил за нами. Наконец, я начал подбирать группу людей впереди нас, очень взволнованных происходящим событием. Они мало обращали внимания ни на меня, ни на моего пленника.

Спешившись, я вышел на лесную поляну, где собралось около 200 человек всех возрастов, мужчин и женщин. Поток недисциплинированных мыслей хлынул в мой разум, угрожая сокрушить мою защиту. Они думали о еде, обижались на других за чуть менее грязную одежду, надеялись увидеть кого-то убитым, желали совокупления.

Площадкой для выступающего служил широкий плоский камень, на котором стояла фигура в капюшоне и вооруженный мужчина рядом с ней. Фигура прижала руку к горлу и издала шипящие звуки, которые мужчина перевел для толпы. Я снял с седла шпагу и ножны и держал их, все еще в ножнах, в руках.

Я не мог легко следить за отдельными словами; океан мыслей толпы мешал выделить отдельные нити. Фигура в капюшоне, которую мужчина на платформе теперь называл женщиной с каменным сердцем, указала на четырех человек, стоящих под парой тяжелых ветвей дерева, по двое под каждой ветвью. На ветки были намотаны веревки, а петли были привязаны к шеям тех, кто стоял внизу, стоя на чем-то вроде кусков дерева.

Переводчик каменного сердца сказал, что эти четверо помогли враждебной семье, известной как Ланнистеры. Двое мужчин были товарищами женщины по имени Бриенна; Я понял, что это должно быть имя крупной женщины-воина, которую я видел добровольно убитой. Она показала себя другом Джейме Ланнистера и сбежала с ним, оставив своих друзей умирать вместо нее. Так что теперь они встретят заслуженную смерть.

Две женщины, по-видимому, содержали гостиницу и давали еду и питье Ланнистерам. Женщина по имени Бриенна сражалась, чтобы спасти их от беззаконных мародеров, сделав их соратниками Бриенны в глазах каменного сердца. Позже более высокая из двух женщин лечила раны Бриенны здесь, в этом лагере. За это преступление женщина с каменным сердцем потребовала их смерти. Меньшая женщина плакала, а большая проклинала каменную, говоря, что она и ее сестра не сделали ничего плохого.

Я не мог этого допустить. У меня не было никакого желания вмешиваться в дела этого места, но этих молодых женщин и их друзей собирались убить. Убит. Я вышел на поляну и закричал.

"Останавливаться. Женщина Бриенна не присоединилась к Ланнистерам. Он убил ее на моих глазах».

Мысли толпы говорили, что мой вид потряс их: меднокожая женщина, одетая только в грязные леггинсы на бедрах. Моя обнаженная грудь одних оскорбляла, а других возбуждала. Женщина с каменным сердцем откинула капюшон и уставилась на меня. Это было ужасное зрелище. Лучник не солгал: эта женщина явно была мертва. Ее плоть разложилась, а по лицу бежали длинные шрамы. Причина ее смерти была очевидна; у нее было перерезано горло.

Она указала на меня и закричала. Ее переводчик никому не был нужен; человек двадцать или больше бросились на меня с голыми руками. Далеко не каждый человек следовал ее приказу, но его было предостаточно.

Они врезались в меня, как стадо обезумевших диких козлов, повалив меня на колени. Я инстинктивно наклонил голову вперед, чтобы защитить лицо и глаза. Кулаки стали бить меня по рукам, спине и голове. По меньшей мере пять рук грубо схватили меня за грудь. Но, как и Джон Картер, пока я жив, я буду драться.

Несколько пальцев засунули мне в рот. Я легко их откусил и выплюнул. Кто-то закричал. Я положил свой новый меч на землю между коленями, чтобы сражаться обеими руками. Левой рукой я отрывал от себя мужчин, а правой наносил короткие резкие удары сложенными пальцами, которым мы учимся в рукопашном бою Гелиума. Я искал мягкие области — горло и пах — но нападал на любую цель, которая представлялась мне в отчаянной потребности убежать.

Постепенно я уменьшал количество врагов, и вес на моей спине уменьшался. На меня обрушилось меньше ударов руками и ногами; пока еще никто не вытащил оружие. Я стряхнул с себя последнего мужчину, растянувшегося у меня на плечах, поднялся на ноги и сильно ударил его ногой по лицу. Он перестал двигаться. Вокруг меня растянулись на земле в разных позах четырнадцать мужчин и одна женщина. Некоторые стонали; большинство вообще не двигались. Хотя я и не думал никого убивать, я не сдерживал свою возросшую скорость и силу. Они хотели убить меня, а некоторые хотели изнасиловать. Я не оплакивал их смерть или раны.

Другие мужчины осторожно окружили меня. Одни обнажали мечи, другие собирали камни и куски дерева. Существо, которое вело их, продолжало сердито шипеть; ненависть, струившаяся из ее разума, была почти физически непреодолимой. Она ненавидела меня, но более того, она ненавидела тех, кто отнял у нее жизнь, и она ненавидела те недостойные души, которые еще дышали. Ее последователи были всего лишь инструментами для выполнения ее программы убийства и ненависти. Когда она отомстит тем, кто причинил ей зло, она убьет и этих последователей и превратит их в существ, подобных ей.

Я обнажил свой меч и столкнулся с врагами, поворачиваясь, когда они двигались, чтобы окружить меня. Когда они продолжали колебаться, их предводитель нежити зашипел еще громче.

"Убей ее!" — закричал мужчина, стоящий рядом с ней. «Каменное сердце приказывает тебе. Убей красную суку!»

На этот раз, готовые к моим способностям и с оружием в руках, они могут добиться успеха. Я решил ударить первым, согнув ноги в коленях и прыгнув через поляну, чтобы приземлиться прямо перед женщиной с каменным сердцем. Левой рукой я ударил тыльной стороной руки ее переводчика, который потерял шпагу и упал на землю. Тогда я вонзил свой меч ей в сердце; он легко вошёл в её гниющую плоть по самую рукоять.

Когда я вытащил его из ее груди, вдоль лезвия вспыхнуло пламя. Она тоже загорелась, сначала

ее серая, сухая плоть, а потом и одежда с капюшоном. Она издала пронзительный пронзительный визг, опустившись сначала на колени, а затем рухнув на себя. В мгновение ока остался только кружок дымящегося пепла.

Сквозь толпу протискивался коренастый лысый мужчина в линялой красной мантии.

«Созерцайте избранных Красного Бога!» он крикнул. «Она вернулась Азор Ахай! Она обещанная принцесса!»

Он начал проповедовать пророчество, которое эти люди, казалось, уже слышали раньше. Он явно был каким-то священником. Одни теперь смотрели на меня с благоговением, другие с ненавистью. Я не обнаружил никого, готового напасть на меня, по крайней мере, сразу.

Некоторые из этих людей — те, кто не желал моей смерти — хотели, чтобы я их возглавил. Но еще больше из них ненавидели меня за то, что я убил каменного сердца, а другие по той же причине боялись меня. Я не хотел вести этих людей или быть их красным спасителем; Я хотел отправиться в путь со своим мечом и лошадьми на поиски Джона Картера. У этих заблудших и напуганных душ было мало надежды, и они верили, что их ждет только смерть и боль. Им нужен был настоящий лидер вместо воскресшего из мертвых кровожадного монстра.

Что касается болтовни Красного Жреца, я не знал, что с этим делать.

Примерно половина собравшихся встала на одно колено и выжидающе посмотрела на меня; остальные неуверенно слонялись позади них, сердито бормоча. Мне было гораздо труднее выделять мысли в такой толпе, чем когда я имел дело только с двумя или тремя людьми одновременно, и сильные эмоции момента сделали их мысли еще более запутанными.

Я понял, что движение на колени было для них эквивалентом метания мечей мне под ноги — те, кто преклонял колени, предлагали мне служить и просили моей защиты. Я не питал иллюзий относительно их внезапной любви ко мне; они встали на колени, потому что Красный Жрец сказал им сделать это.

Оказалось, что я убил переводчика; это не входило в мои намерения. Слишком много людей умирало. Внезапно я вспомнил четыре фигуры, свисающие с ближайших деревьев.

«Вырубите этих людей!» — закричал я своим лучшим командным голосом. Несколько коленопреклоненных вскочили и побежали делать это.

— Они живы? Я попросил.

Двое молодых людей покинули тела и подошли ко мне, где я стоял один на небольшом расстоянии от тлеющего пепла их предводителя. Один юноша был довольно худой, с длинными волосами и царственной осанкой, другой крупный, с голубыми глазами, взлохмаченными черными волосами и широкими плечами — он вполне мог быть забытым сыном Джона Картера. Может быть, размышлял я, так оно и было — я знал, что межпланетная телепортация создает странные временные эффекты. Оба, казалось, были смущены видом моей груди, но ни один из них не проявлял тяги к изнасилованию и насилию, с которыми я уже слишком часто сталкивался во время моего короткого пребывания на их планете. Я чувствовал себя несколько лучше о людях этого места.

— Нет, миледи, — сказал худощавый молодой человек, его мысли были скорбными. Я изо всех сил пытался найти подходящие слова, чтобы выразить печаль.

— Я разделяю твои чувства, — наконец сказал я. «Если бы я был быстрее, они могли бы выжить».

«Если бы мы тоже были быстрее, — сказал его более крупный друг, — они могли бы выжить. Мы знали, что такое Леди Каменное Сердце, но не сделали ничего, чтобы остановить ее. Перед лицом зла недостаточно просто уйти».

Теперь многие стали гневно спорить с ним, выражая свою любовь к каменному сердцу и надежду отомстить за нее. Другие жаловались на убийство каменным сердцем четырех повешенных. Трое из убитых, по-видимому, были очень молоды и невиновны ни в каком преступлении; никто, казалось, не упустил из виду четвертого, довольно невзрачного темноволосого мужчину в воинском одеянии.

"Держать!" — воскликнул я, высоко подняв свой все еще пылающий меч. — Ты хочешь снова сразиться со мной? Тогда молчи».

Пара мужчин потрогала свое оружие, но никто его не поднял. Я хотел, чтобы мой меч перестал гореть, и он сгорел. Он казался чистым, поэтому я зачехлил его; Я обдумаю это явление позже.

Я подошел к телам, Красный Жрец был рядом со мной. В Гелиуме и других великих городах Барсума Защитные Силы включают в себя специалистов, которые могут собрать последние мысли недавно умерших, которые задерживаются немногим меньше того, что эта планета считает «часом», и иногда могут помочь определить, кто их убил. Из-за этого убийцы обычно разрушают мозг жертвы разрывной пулей или тупым предметом.

У меня не было обучения этой процедуре; последние мысли умирающего омрачены болью и множеством воспоминаний, как настоящих, так и ложных. Повешенный воин действительно думал об убитой Бриенне, видимо, желая, чтобы он женился на ней или хотя бы разделил с ней свои чувства. Он умер, не сказав ей прямо, опасаясь, что их не вернут. Юноша, по-видимому, боевой слуга Бриенны, тоже думал о ней; его последние угасающие размышления чередовались между отчаянием, что он не служил ей должным образом, и гневом, что она не спасла его от этой участи.

У двух молодых женщин были и другие признаки насилия. Их грубая одежда была разорвана, и у обоих на голых ногах была кровь. Последние мысли младшей были сосредоточены на маленьких пушистых животных, которых она любила, и на сильной боли. Но тот, что покрупнее, очень ясно помнил, что ее изнасиловали в несколько отверстий. Это было мучительно, и мои колени подкосились от силы ее возмущения. Она представила лица тех, кто навязался ей, несмотря на ее крики, а также каменное сердце, молча смотрящее на нее, подразумевая одобрение.

На Барсуме нет эквивалента изнасилованию. Джон Картер часто опасался, что против меня будут совершены преступления на сексуальной почве, пока я буду в плену. Я всегда знала, что подразумеваемое оскорбление моего мужа беспокоило его не меньше, чем причиненная мне боль, но до этого момента я никогда не понимала, почему сама возможность его травмировала.

На Барсуме совершаются преступления на почве страсти, в том числе убийства, но наша физиология не допускает нападения с использованием полового органа, не так, как насиловали этих очень молодых женщин — мужские половые органы неоднократно и насильно вонзались не только в их собственный пол. вместилище, а в отверстие, используемое для выделения, среди огромной боли и унижения. Они умоляли и кричали. Никто не пришел. Это была худшая часть. Никто не пришел.

Я никогда не сталкивался с чем-то подобным. Несколько мгновений я опасался за свое здравомыслие. В нашей религии, в которую я больше не верю, есть понятие ада, места вечных страданий. За годы моей благочестивой веры я и представить себе не мог, что такое может существовать даже в аду.

— Их изнасиловали, — наконец сказала я дрожащим голосом.

— Я не знал, — мягко сказал Красный Жрец.

"Вы должны иметь."

Я повернулся к толпе.

«Кто изнасиловал этих маленьких женщин?»

Они двигались беспокойно, но один мужчина сделал вид, что хочет бежать. Перед ним выступила высокая рыжеволосая женщина.

— Это был ты, — сказала она. "Я знаю это."

Его мысли подтвердили это.

— Приведите его сюда.

Несколько мужчин потащили его вперед и бросили к моим ногам.

— Кто тебе помог?

Он ничего не сказал, но подумал о двух других мужчинах. Я посмотрел на толпу и увидел каждого.

— Принеси ту и ту.

Другие мужчины потащили их вперед. Несколько женщин пинали их, когда они проходили мимо. Я подобрал нужное слово. Девушки. Это были только девушки.

— Ты изнасиловал этих девушек?

— Нет, не я, — выдохнул один из них. Он был очень грязный и потерял много зубов. — Я не имел к этому никакого отношения.

— Ты взял свою очередь, как и мы.

Я недолго думала.

«Повесьте их, чтобы они знали, что умирают».

http://tl.rulate.ru/book/82171/2556190